

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-122-132>

УДК 7.078

ББК 85.313 (2)

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. Н.С. Гусев

г. Москва, Россия

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «СВОЕМ» И «ЧУЖОМ»
ПРИ ОПИСАНИИ БОЛГАРСКИХ ЖЕНЩИН
В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.**

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00365 «Семиотические модели в кросскультурном пространстве: Balcano-Balto-Slavica», URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>

Аннотация: В статье рассматриваются описания положения болгарской женщины, в травелогах и изданиях, вышедших на рубеже XIX и XX вв. и рассчитанных на широкий круг читателей. В них этому вопросу внимания уделялось не так много, но можно выделить общие черты. Признавался невысокий уровень природной красоты болгарок, указывалось на ее быструю утрату под влиянием непрерывного труда. О трудолюбии болгарских женщин говорилось многое, что свидетельствовало о положительной коннотации этого, оно делалось символом «своего». Аналогично описывались и высокие нравственные ориентиры болгарского общества. В то же время подчиненное положение болгарской женщины характеризовалось как влияние «чужого», турецкого. «Чужим», но уже западным, влиянием объясняли и наличие публичных домов. Многие из рассказов подтверждается другими источниками и имело место в действительности, но примечательна именно семантика текстов. Создававшееся символическое описание молодого, здорового народа, испытавшего чуждые влияния, рисовало картину «своего» народа, но более чистого и здорового в моральном плане. Фактически создается образ «своей», русской, молодости, безвозвратно утраченной по мере европеизации и модернизации.

Ключевые слова: Болгария, Россия, семиотика, свои/чужие, женщины, традиции. Информация об авторе: Никита Сергеевич Гусев — кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский просп., д. 32 а, 119334 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9573-7018>

E-mail: kingusevns@yandex.ru

Дата поступления статьи: 22.05.2024

Дата одобрения рецензентами: 29.05.2024

Дата публикации: 25.09.2024

Дата публикации: Гусев Н.С. Представление о «своем» и «чужом» при описании болгарских женщин в русской публицистике рубежа XIX–XX вв. // Вестник сла-

вянских культур. 2024. Т. 73. С. 122–132.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-122-132>

В русском представлении XIX в. Балканы являлись в значительной мере Востоком. Несмотря на риторику славянского братства и единой веры, на ментальной карте это была западное пограничье Азии, что обуславливалось долгим нахождением стран полуострова под властью Османской империи. Нарастание идей славянского единства перевело их в определенной степени в статус славянского фронта на Востоке, с ростом знакомства утрачивалась и экзотичность, происходило сближение на ментальной границе. Но, тем не менее, ощущение их инаковости сохранялось. В итоге они стали «чужими своими», в образе которых причудливо переплетались символы «своего» (славянина) и «чужого» (жителя экзотического Ориента). Одной из сфер проявления этого было представление о болгарской женщине.

При этом на протяжении большей части XIX в. русские путешественники о них писали мало. В.И. Григорович в своем знаменитом рассказе о путешествии середины 1840-х гг. этому внимания не уделил [19]. В 1860-е гг. появились некоторые упоминания. В известном и неоднозначно принятом труде фольклориста С. Верковича женщины упоминаются лишь в контексте одежды или совершения народных обрядов [17, с. 39, 41, 45]. Историк и дипломат В. Макушев сообщил о рабском положении женщины у «задунайских славян», не разграничивая при этом сербов и болгар [29, с. 45]. Засвидетельствовал существование отдельных хор в болгарских церквях Македонии проехавший по полуострову архимандрит Антонин (Капустин) [14, с. 258]. Описывая народы Европейской Турции, одним предложением о недостатке красоты болгарских женщин ограничился французский путешественник Г. Лежан [28, с. 32]¹.

Лишь русская путешественница Карлова, сопровождавшая в путешествии А.Ф. Гильфердинга [3, с. 82-83; 6, с. 145–146], отметила, что «мужчины, болгары, албанцы и валахи, как турки, так и христиане, до того привыкли считать женщину за существо низшей породы», что и на иностранку смотрели аналогично. В подтверждение этому она привела несколько примеров из своей поездки [25, с. 722]. Больше внимание данному вопросу было уделено в широко известном труде немецкого путешественника Ф. Каница, вышедшем в русском переводе уже накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [22].

Таким образом, знаний о традиционном положении болгарок в России было мало. Недаром картина К.Е. Маковского «Болгарские мученицы» хоть и была написана в связи с подавлением Апрельского восстания в Болгарии, но проникнута религиозным символизмом и традиционными приметами ориенталистского дискурса² и к исторической достоверности имеет мало отношения.

В то же время нельзя сказать, что такая ситуация была характерна для описаний всего Балканского полуострова — о сербских женщинах было больше упоминаний

¹ Оригинал вышел на французском языке в 1861 г., на русский переведен в 1868 г.

² Действие происходит перед в разгромленной церкви перед выломанными царскими воротами, т. е. фактически на амвоне. Одна женщина лежит убитой на полу, поверх нее брошена книга. Вторая пытается защитить младенца и смотрит на него, склонив голову, в чем читается парафраз с Богородичной иконой типа «Елеуса», но искаженной насилием. Трое мучителей изображают черкеса, албанца и африканца, хотя в действительности выходцы из Африки в подавлении восстания не принимали. Его присутствие и яркие наряды остальных — отсылка к азиатскому характеру Османской империи. На этом фоне изображение обнаженных женщин очевидно переключается с «гаремной» живописью в духе европейского ориентализма XVIII-XIX вв.

и в российской и зарубежной литературе путешествий [4]. Болгары вышли из исторического забвения позже своих соседей, и российское общество с ними только знакомилось.

Русско-турецкая война во многом исправила это, но после нее свою роль сыграли два фактора, моментально сделавшие приобретенное знание устаревшим. Во-первых, в 1886 г. между Россией и Болгарией были разорваны дипломатические отношения, и до 1894 г. журналисты ее не посещали. Во-вторых, в стране шел процесс модернизационного скачка, и традиционное общество в городах стремительно трансформировалось, по крайней мере, внешне. Потому переплетение наследия славянского и ориентального с вестернизированными заимствованиями занимало и путешественников, и читателей. Положению болгарской женщины уделяли внимание авторы тревелогов и популярных народоописательных изданий. Последние, хотя и опирались на чужое мнение, играли большую роль в формировании и поддержании стереотипов о Балканах, под влияние которых неизбежно попадали посещавшие полуостров. В рамках такого сложного переплетения смыслов интересной представляется задача оценить именно то, какие черты описаний женщин и их положения становились символами «своего», славянского народа, а какие — маркерами «чужого».

Традиционно одним из внешних символов «своего» была красота в силу ее соответствия своему этническому типу, вдобавок ее отсутствие трактовалось как признак инаковости или отсутствия моральной чистоты [4, с. 14]. В оценке этой характеристики болгарских женщин многие вторили Ф. Каницу, но расставляли свои акценты. В вышедшем на русском языке в 1899 г. фундаментальном произведении немецкого антрополога Г. Плосса говорилось кратко: «Болгарки, по Kaniz'у, также нередко красивы; у них темный цвет кожи, свежий вид, но они скоро увядают» [32, с. 102]³. В своем путеводителе К.А. Барсов называл их «очень красивыми», но, буквально дословно переписывая Ф. Каница, добавлял, что вследствие обильного использования румян и белил «красота их недолговечна» [14, с. 12]. Автор самой популярной серии очерков о народах мира Е.Н. Водовозова утверждала, что «среди болгарок чаще встречаются лица выразительные, чем красивые», но по выходе замуж они утрачивают красоту окончательно, происходит это «прежде всего от трудной физической работы» [18, с. 55].

Той же позиции придерживался и непосредственный наблюдатель — А.В. Амфи-театров, неоднократно посещавший страну:

Болгарки, вопреки распространенному мнению⁴, вовсе не красавицы <...>. Но они так свежи, так дышат здоровьем и силою, у них такие хорошие, глубокие, скромные глаза, что, пожалуй, вполне заменяет болгарке красоту [13, с. 126].

Другой очевидец, И. Скворцов, отмечал:

Среди молодых болгарок есть и красивые типы, но, как и наши крестьянки, они отличаются больше, чем красотой — значительною телесною силою и выносливостью, будучи домашней рабочей силой по преимуществу

И в результате напряженного труда, заключал он, «красота их и теряется быстро» [35, с. 183]. Здесь вновь можно отметить и влияние Ф. Каница, навязавшего стереотип

³ Больше внимания он уделил внешности почти всех других народов, включая и небольшие островные.

⁴ Откровенно говоря, утверждение о распространенном мнении вызывает недоумение в связи с тем, что указаний на красоту найти не удалось.

о пагубном влиянии постоянного труда болгарок на их привлекательность [22, с. 255]. Однако для нас интереснее другое — очевидный символ инаковости, штамп о связи духовной и внешней красоты в данном случае утратил свою силу в связи с наличием благородного оправдания в труде.

О тяжелом труде болгарской женщины авторы упоминали часто.

На сколько болгар[ин] воспевает в песне любимую им девушку, на столько же незавидную роль предоставляет он ей в доме, когда она становится его женой. Она завалена работой и не имеет ни одной свободной минуты

— не особо даже перефразируя Ф. Каница [22, с. 61], писал автор компилятивного народоописания А.Н. Александров [12, с. 28]. Е.Н. Водовозова подчеркивала, что у болгарской женщины «трудолюбие не знает пределов», а вся ее жизнь после замужества — «непрерывный труд» [18, с. 17].

Превалирование практики над эстетикой приводило к тому, что внешний вид переставал играть роль символа «чужого», а социально одобряемое трудолюбие становилось знаком «своего». Причем сам такой подход скорее был характерен для описания «благородного дикаря», для которого на первом месте стоит забота о хлебе насущном. Таким образом, возникал образ «своего», но находящегося на более ранней стадии развития культуры, некоего «своего предка» или себя самого, но в незапамятные времена. Как отмечают историки, и в Древней Руси все время женщин занимала работа: «Для всех представительниц непривилегированных слоев она была формой выживания, заполняя подавляющую часть дневного, а зачастую и вечернего времени. Она же составляла едва ли не главное содержание жизни женщин». И в целом православная концепция хорошую жену характеризовала именно как работающую хозяйку [8, с. 30, 94–95].

Это давало болгарке равенство с мужем в домашних делах, что, как отмечала Е.Н. Водовозова «вовсе не в обычае у южных славян». И она, и К.А. Барсов утверждали, что болгарин не принимает важных решений без совета жены, чье мнение в отдельных вопросах может иметь и решающее значение, а в отсутствие мужа болгарка ведет хозяйство самостоятельно [15, с. 18; 18, с. 63]⁵.

Однако все отмечали исключенность женщины из общественной жизни. «Болгарка, даже самая развитая <...>, никогда не вмешается в разговор мужа, не рассуждает о политических вопросах — она знает только детскую и кухню» [18, с. 55], — говорилось в одной из брошюр. Объяснение тому находили в долгом ориентальном влиянии. «Болгары и сами заразились от турок восточным взглядом на женщину, и ее этим взглядом заразили. Они отмежевали своим женам определенную область и строго блюдут ее границы. Мне — мышление, деятельность, политика, тебе — кухня, постель, дом, дети» [13, с. 125], — писал один путешественник. Другой именовал это «нравственной атмосферой «гаремлыка», хотя в форме, издавна смягченной христианством» [16, с. 78]. Примечательно в этом плане, что, когда во время Балканских войн 1912–1913 гг. болгарский раненый офицер сделал предложение руки и сердца оказывавшей ему помощь русской сотруднице Красного Креста, та ему ответила следующее: «Я знаю, что вы, болгары, деспоты. Жена для вас только объект плотских удовольствий. У вас к ней одинаковое отношение с турками» [27, с. 315–317].

⁵ Эти же строки были дословно повторены в брошюре 1914 г., посвященной Болгарии [17, с. 6].

Такое буквально теремное затворничество характерно для многих народов на определенной стадии развития их культуры. Как отмечает российский исследователь Л.Н. Пушкарева, аналогичные порядки существовали и в позднесредневековой Руси. Причинами такого затворничества указывают и распространение вместе с православием «византийской феминифобии» с представлением о женщине как сосуде греха, и влияние ордынского ига — таким образом пытались уберечь женщин от увода в полон [8, с. 45]. В случае с Болгарией рубежа XIX–XX вв. это имеет разные объяснения. Французский историк Б. Лори здесь видел слияние норм традиционной морали, православия и ислама, в первую очередь выраженного в практике турецкой жизни [5, с. 157]. Болгарский исследователь О. Тодорова отметила, что подобная исключенность вплоть до отдельных зон в храмах была характерна и для католичек на Балканах. Особенно сильна исключенность женщин из общественного пространства была в городах, где турок проживало больше, и касалась она в первую очередь незамужних. В этой связи, по ее мнению, хотя и имелись изначальные доосманские предпосылки, но именно в результате мусульманского окружения «сегрегация женщин-христианок достигла ранее неизвестных масштабов» [10, с. 380–381]. Русские путешественники не углублялись в историю и видели одно простое и понятное для них объяснение — это наследие турецких нравов.

Однако если в традиционном ориенталистском рассказе появлялись рассказы о «томных одалисках» в тени гаремов, то в случае с болгарками этого не возникало: «Вот именно самочье-то, назойливо и первенствующе чувственного и нет ничего в болгарке», — писал А.В. Амфитеатров [13, с. 124]. Он считал, что нравственность женщин безукоризненна даже в Софии, «самом распущенном городе княжества», и там совершившая адюльтер — «отверженное существо». По его словам, это привело к провалу театральной постановки «Дамы с камелиями», поскольку сюжет ни у кого не мог вызвать сочувствия [13, с. 119–120]. В силу щепетильного отношения к данной теме даже в мужских компаниях не поднималось циничных разговоров о женщинах, что было присуще российскому обществу [13, с. 138]. По мнению другого наблюдателя, в силу высокой нравственности не существовало и «приставанья» с «оскорбительными предложениями», потому болгарки могли ходить ночью в одиночку, ничем не рискуя [31, с. 402].

И в целом, как позднее вспоминал русский эмигрант, этот пуританизм не носил показной характер, мораль и нравы болгарина «были несомненно чище, чем у других славян» [24, с. 201, 221]. Удивление таким отношением к чести женщины выражали и воины Красной Армии, посетившие Болгарию в 1944 г. [36, с. 71].

Впрочем, эту пастораль необходимо испортить одним нюансом — наличием в Софии публичных домов. Правда, словно подчеркивая традиционный высокий моральный облик «благородного дикаря», один автор указывал, что среди сотрудниц таких заведений нет ни одной болгарки, а содержат их румыны или евреи [31, с. 402]. Другой хоть и признавал популярность такого досуга, но считал следствием тлетворного влияния европейской цивилизации и указывал его конкретный источник:

В данном явлении сказывается, несомненно, влияние Вены, где «подземные» оргии в большом ходу. Да и самый активный персонал данных заведений по преимуществу из Австро-Венгрии [35, с. 184].

Третий же приводил результаты «переписи софийских проституток». Лишь три из них оказались болгарками, «остальной контингент — сербки, румынки, француженки, немки, венгерки, польки из Австрии и, главным образом, еврейки» [13, с. 115]. Из болгарских же мемуаров того периода мы знаем, что дома терпимости в городах пользовались популярностью среди молодежи [33, с. 98–99], а само их появление фиксируется еще в османское время [10, с. 400].

Стоит отметить, что все представленные в русских описаниях черты положения болгарской женщины имели под собой основания. Женщины действительно вели затворнический образ жизни. По свидетельству одного мемуариста, в начале века софийка никуда не ходила, а разговор со случайно встреченным на улице мужчиной подвергал ее риску стать объектом пересудов [21, с. 290]. В столице женщины ходили только в определенные кофейни. До Первой мировой войны — лишь в одну, после нее — в три [20, с. 61]. Русская эмигрантка вспоминала, что еще в 20–30-е гг. XX в. в Софии женщины не ходили даже на рынок, им было доступно лишь общение с соседками. Если же они выходили в город, то обязательно в сопровождении взрослого мужчины [30, с. 493–494]. На рубеже веков в провинции сохранялись отдельные зоны в церквях [20, с. 18]. По словам другого современника, после освобождения страны в Казанлыке театральный зал делился на мужскую и женские части. На сомнение в необходимости этого представитель старшего поколения почти закричал: «И как ты можешь допустить, чтобы твоя жена сидела с чужим мужчиной. Ведь они могут коснуться коленями» [11, с. 441–443]. Негативное отношение к телесному контакту сохранялось в провинции долго. Даже девушки, приходившие в школу активисток Отечественного фронта уже в советское время, воспринимали танцы как срамное дело и лишь к концу своего коммунистического образования приобретали иное мнение [7, с. 199].

Конечно, в этот момент шло и изменение нравов, усиливалось движение за равноправие женщин. Еще до освобождения страны знаменитый писатель Л. Каравелов заявлял:

Я думаю, что болгарин был столько лет в рабстве⁶ лишь потому, что его мать — рабыня. Рабыня рождает и воспитывает только рабов. <...> Если мы освободим женщину, то освободим и себя самих [23].

Его сноха была одним из лидеров женского движения. В 1901 г. даже возник «Союз болгарских женщин», ставивший себе целью культурное развитие соплеменниц. Через шесть лет он насчитывал 1500 членов, но особой популярностью не пользовался. Русский посланник в Софии Д.К. Сементовский-Курило довольно четко определил малозначительность этого движения:

Союз этот был обречен с самого начала на неудачу: условия жизни в Болгарии настолько еще патриархальны и просты, домашнее хозяйство настолько поглощает досуг болгарки, что заниматься отвлеченными предметами для нее совершенно не остается времени, и в виду этого результат деятельности союза женщин представляется ничтожным (АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1334. Т. 2. Л. 53).

Примечательно, что и в закрытых рабочих документах русский наблюдатель подтверждал заключения путешественников и публицистов.

6 Здесь имеет место игра слов. По-болгарски «турецкое иго» — «турското робство», дословно «турецкое рабство».

Однако описание реального положения болгарской женщины — тема, которую невозможно осветить в рамках статьи как в силу многоукладности болгарского общества, пребывавшего в состоянии перехода к модерну, так и в силу его географического разнообразия. Но, как бы то ни было, стоит признать, что русские описания не создавали вымышленный мир. Вопрос в том, как они интерпретировали и оценивали реальность.

Авторы рассказывали не только об этнически, но и социально «чужом», а те или иные явления маркировали в соответствии со взглядами образованных слоев населения своего времени. Потому А.В. Амфитеатров противопоставлял сохранившиеся «патриархально-семейные добродетели» и «патриархальные пороки» [13, с. 115]. Это рождало определенные противоречия.

Самих болгарок характеризовали весьма положительно, создавая идеал «простой» женщины, чеканно сформулированный Е.Н. Водовозовой в словах о болгарках — «очень скромны, молчаливы, прекрасные хозяйки, верные жены, страстные матери» [18, с. 54]⁷. Их нравственностью и трудолюбием восхищались, но затворничеству и подчиненности женщин давали противоположные оценки. Это вполне соответствовало духу эпохи. Так историк и социолог А.П. Щапов еще в 1845 г. писал, что причиной дикости первобытных племен было «униженное положение женщины», а ее раскрепощение является двигателем общественного прогресса [1, с. 259]. Вполне созвучны с этим и возмущение А.А. Башмакова тем, что болгарские литераторы «не создали до сих пор женских силуэтов и типов», и его надежда на то, что «замурованная болгарская женщина» своим освобождением поспособствует «перерождению болгар» [16, с. 78-79].

Российский историк М.В. Лескинен отметила, что в эту эпоху важным критерием оценки поведения женщин становится «степень их приверженности обычаям и нормам традиционного общества, патриархальным ценностям и социальным практикам». Объясняет она это тем, что описатели стремились представить константные черты народа, не подверженные чуждому влиянию, а потому консервативная и архаичная культура представлялась им более «чистым» отражением духовной жизни народа [4, с. 24].

Однако в случае с болгарками посмеем предложить иное толкование, связанное с тем, что «чужой» — это всегда кривое зеркало «своего». Совсем уже архаическим и неевропейским народам, заведомо «чужим», во второй половине XIX в. приписывалась, наоборот, большая половая свобода женщин [32, с. 456]. В отношении «своих» существовал запрос патриархальный. Причем он шел не только со стороны консервативных и церковных кругов, но и со стороны радикальных разночинцев и народников [9]. В 1880-е г. публицист К.А. Скальковский высказывал распространенное мнение, что «под влиянием дурной усвоенной западной цивилизации, под влиянием фальшивой системы воспитания, упадка нравственной дисциплины и сознания долга, семейный быт в России, по крайней мере, в интеллигентных слоях общества, значительно расшатан» [34, с. 49]. Как выше было показано, таким же образом — влиянием европеизации — объясняли существование публичных домов в Софии. В самой же России, как отмечают исследователи, в первое десятилетие XX в. «эротика становилась важнейшей составляющей повседневной жизни», театральные постановки содержали откровенные сцены, а в газетах публиковали предложения интимных знакомств [9]. Потому не удивительна такая идеализация болгарских порядков среди публицистов разного толка.

⁷Интересно, что почти так же их охарактеризовал А.В. Амфитеатров: «Они очень скромны, молчаливы, отличные хозяйки, отличные жены, отличные матери» [2, с. 119].

В этой системе координат болгарские строгие нравы символизировали утраченный Эдем, где юные славянские народы еще не были «развращены», недаром в то время их часто описывали в рамках символики молодости и здоровья [2]. Русский народ Эдем покинул и постарел, но болгарский, «стоящий на переходе от варварства к культуре» [13, с. 116], еще не утратил черты, как предполагалось, исконно славянские. Другим воплощением этого «благородного дикарства» являлось и отношение к труду как к благородному занятию, занимающему все время. Семейно-нравственные традиции болгар отражают тоску по безвозвратно ушедшим «традиционным ценностям», пусть и глубоко романтизированным.

В этих описаниях порицаемое становится символом «чужого» — наследия Востока или влияния Запада, от него призывают избавиться. Поощряемое предстает символами чистоты и юности близкого народа. Фактически рисуется образ «своей», русской, молодости, безвозвратно утраченной по мере европеизации и модернизации. Такое смешение семиотических кодов рисовало картину Православного Востока, где ориентализм и оксидентализм отвечали за инаковость и несли отрицательные коннотации, а все положительное превращалось в «свое», дома уже утраченное, но напоминающее о «золотых временах». Русские писатели стояли перед волшебным зеркалом, видели в нем себя, но молодых.

Список литературы

Исследования

- 1 Батуренко С.А. Русский историк и социолог А.П. Щапов о причинах подчиненного положения женщины в российском обществе // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 257–266.
- 2 Гусев Н.С. Молодость Болгарии и болгар в русской публицистике рубежа XIX–XX вв. // Balcano-Balto-Slavica и семиотика / отв. ред. И.А. Седакова, ред. А.Б. Ипполитова. М.: Изд-во Ин-та славяноведения РАН, 2023. С. 68–79.
- 3 Левшина Ж.Л. Путешествие А.Ф. Гильфердинга 1868 года и славянские рукописи его «македонской» коллекции (итоги и перспективы изучения) // Археографски прилози. 2012. Бр. 34. С. 77–107.
- 4 Лескинен М.В. Характерология славян в русской интерпретации: способы изображения гендерных типов «этнического Другого» во второй половине XIX в. // Токови историје. 2014. Београд. Бр. 3. С. 11–50.
- 5 Лори Б. Съдбата на Османското наследство: Българската градска култура 1878–1900 г. София: Amicitia, 2002. 202 с.
- 6 Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019. 432 с.
- 7 Петкова Е. Всекидневието на българките мюсюлманки в Средните Родопи. София: Гутенберг, 2015. 277 с.
- 8 Пушкарева Н.А. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 381 с.
- 9 Пушкарева Н., Белова А., Мицюк Н. Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 500 с. URL: <https://bookmate.ru/reader/x0Tcw2N1?resource=book> (дата обращения: 12.07.2024).
- 10 Тодорова О. Жените от Централните Балкани през османската епоха (XV–XVII век). София: Гутенберг, 2004. 516 с.
- 11 Хаджийски И. Бит и душевност на нашия народ. София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1995. 590 с.

Источники

- 12 *Александров Н.А.* Где на Руси какой народ живет и чем промышленяет: чтение для народа. Болгария / сост. по исслед. Ф. Каница и др. позднейшим источникам. М.: А.Я. Панафидин, 1900. 47 с.
- 13 *Амфитеатров А.В.* Недавние люди. Санкт-Петербург: Тип. Т-ва худож. печ., 1901. 305 с.
- 14 *Антонин (Капустин).* Поездка в Румелию. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1879. 376 с.
- 15 *Барсов К.А.* Болгария и болгары. М.: «Народная библиотека» В.Н. Маракуева, 1889. 37 с.
- 16 *Башмаков А.А.* Болгария и Македония. СПб.: Слово, 1903. 386 с.
- 17 *Веркович С.* Описание быта болгар, населяющих Македонию. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1868. 46 с.
- 18 *Водовозова Е.Н.* Как люди на белом свете живут: Болгары. Сербы. Черногорцы. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1898. 209 с.
- 19 *Григорович В.И.* Очерк путешествия по Европейской Турции Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1848. 216 с.
- 20 *Казасов Д.* Преживелици. София: Издательство на Отечественния фронт, 1979. 202 с.
- 21 *Казасов Д.* Улицы, хора, събития: София през първите години на 20-ия век. София: Наука и изкуство, 1968. 344 с.
- 22 *Каниц Ф. Ф.* Дунайская Болгария и Балканский полуостров. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1876. 362 с.
- 23 *Каравелов Л.* Богатият сиромаш // Моята библиотека. URL: <https://chitanka.info/text/4130/6> (дата обращения: 12.07.2024).
- 24 *Каратеев М.* Белогвардейцы на Балканах // Русская Армия в изгнании / сост. С.В. Волков. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 135–266.
- 25 *Карлова М.Ф.* Турецкая провинция и ее сельская и городская жизнь. Путешествие по Македонии и Албании // Вестник Европы. 1870. № 6. С. 721–753.
- 26 *Карпов С.* Болгария и последние балканские войны. Ярославль: Тип. К.Ф. Некрасова, 1914. 16 с.
- 27 *Карчев П.* През прозореца на едно полустолетие (1900–1950). София: Изток-Запад, 2004. 1197 с.
- 28 *Лежан Г.М.* Этнография Европейской Турции. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К°, 1868. 43 с.
- 29 *Макушев В.В.* Задунайские и адриатические славяне. СПб.: Ред. «Литературной библиотеки», 1867. 304 с.
- 30 *Матвеева И.В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний // Славянский альманах. 2003. С. 491–515.
- 31 *Паренсов П.Д.* Из прошлого. Воспоминания офицера генерального штаба. Часть 4-я. В Болгарии. Часть 5-я. Через 30-ть лет. СПб.: Изд. В. Березовский, 1908. 454 с.
- 32 *Плосс Г.* Женщина. Сыктывкар: ПЕРЯ-МАО; Киров: ГИПП «Вятка», 1995. Кн. I. 640 с.
- 33 *Свинтила В.* Забравена София. София: Захарий Стоянов, 2017. 272 с.
- 34 *Скальковский К.А.* О женщинах: Мысли старые и новые. СПб.: Изд. С. Суворин, 1886. 413 с.

- 35 Скворцов И. В Болгарии // Русский вестник. 1897. № 8. С. 191–204.
36 Слуцкий Б. Записки о войне. Стихотворения и баллады / вступ. ст. Д. Гранина; сост., послесл., примеч. П. Горелика. СПб.: Логос, 2000. 352 с.

© 2024. Nikita S. Gusev
Moscow, Russia

**THE SYMBOLS OF “OWN” AND “ALIEN”
IN THE DESCRIPTION OF BULGARIAN WOMEN
IN RUSSIAN JOURNALISM AT THE TURN OF THE XX CENTURY**

Acknowledgements: The research was carried out with support from the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00365 “Semiotic Models in the Cross-Cultural Space: Balcano-Balto-Slavica”, Available at: <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>

Abstract: The paper discusses descriptions of the status of the Bulgarian woman in travelogues and publications published at the turn of the 20th century and intended for a wide range of readers. They did not pay much attention to this issue, yet it is possible to identify common features: they recognized the low level of natural beauty of Bulgarian women, noting it was rapidly lost due to continuous work. A lot was said about the hard work of Bulgarian women, which testified to the positive connotation of this, it became a symbol of “own”. High moral bearings of the Bulgarian society were described accordingly. At the same time, the subordinate position of the Bulgarian woman was characterized as the influence of an “alien”, Turkish. The presence of brothels was also explained through the “alien”, but already Western, influence. Many of the stories are confirmed by other sources and took place in reality, but it is the semantics of the texts that are noteworthy. The symbolic description of a young, healthy people who had experienced alien influences painted a picture of “one’s own” people, but cleaner and morally healthier. In fact, we see an image of “own”, Russian, youth irretrievably lost as Europeanization and modernization took place.

Keywords: Bulgaria, Russia, Semiotics, Own / Alien, Women, Traditions.

Information about the author: Nikita S. Gusev — PhD in History, Scientific Secretary, The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave., 32 A, 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9573-7018>

E-mail: kingusevns@yandex.ru

Received: May 22, 2024

Approved after reviewing: May 29, 2024

Date of publication: September 25, 2024

For citation: “The Symbols of ‘Own’ and ‘Alien’ in the Description of Bulgarian Women in Russian Journalism at the turn of the 20th Century.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 73, 2024, pp. 122–132. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-122-132>

References

- 1 Baturenko, S.A. “Russkii istorik i sotsiolog A.P. Shchapov o prichinakh podchinennogo polozheniia zhenshchiny v rossiiskom obshchestve” [“A Russian Historian and Sociologist A.P. Shchapov on the Reasons for the Subordinated Position of Women in the Russian Society”]. *Dialog so vremenem*, vol. 68, 2019, pp. 257–266. (In Russ.)
- 2 Gusev, N.S. “Molodost’ Bolgarii i bolgar v russkoi publitsistike rubezha XIX – XX vv.” [“The youth of Bulgaria and Bulgarians in Russian Journalism at the Turn of the 19th – 20th Centuries”]. *Balcano-Balto-Slavica i semiotika [Balcano-Balto-Slavica and semiotics]*, ed. I.A. Sedakova, A.B. Ippolitova. Moscow, The Institute of Slavic Studies RAS Publ., 2023, pp. 68–79. (In Russ.)
- 3 Hadzhiiski, I. *Bit i dushevnost na nashiiia narod*. Sofia, Universitetskoe izdatel'stvo “Sv. Kliment Ohridski” Publ., 1995. 590 p. (In Bulgarian)
- 4 Kanits, F.F. *Dunaiskaia Bolgariia i Balkanskii poluostrov [Danube Bulgaria and the Balkan Peninsula]*. St. Petersburg, Ministerstvo putei soobshcheniia Publ., 1876. 362 p. (In Russ.)
- 5 Leskinen, M. V. Kharakterologiiia slavian v russkoi interpretatsii: sposoby izobrazheniia gendernykh tipov “etnicheskogo Drugogo” vo vtoroi polovine XIX v. [The Russian Interpretation of Slav Characterology: Methods of Presentation of the Gender Typology of the “Ethnic Other” in the Second Half of the 19th Century]. *Tokovi istorije*, no. 3, 2014, pp. 11–50. (In Russ.)
- 6 Levshina, Zh.L. Puteshestvie A.F. Gil'ferdinga 1868 goda i slavianskie rukopisi ego “makedonskoi” kollektiv (itogi i perspektivy izucheniia) [The Journey of A.F. Gilferding in 1868 and the Slavic Manuscripts of his “Macedonian” Collection (Results and Prospects of Study)]. *Arkheografski prilozhi*, no. 34, 2012, pp. 77–107. (In Russ.)
- 7 Lori, B. *Südbata na Osmanskoto nasledstvo: Bülgarskata gradska kultura 1878–1900 g.* Sofia, Amicitia Publ., 2002. 202 p. (In Bulgarian)
- 8 Mel'chakova, K.V. *Bosniia i Gertsegovina v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Rossii v 1856–1875 gg.* [Bosnia and Herzegovina in the Socio-political Life of Russia in 1856–1875]. Moscow, Indrik Publ., 2019. 432 p. (In Russ.)
- 9 Pushkareva, N., Belova, A., Mitsiuk, N. *Smetaia zaprety: ocherki russkoi seksual'noi kul'tury XI–XX vekov [Sweeping Away Prohibitions: Essays of Russian Sexual Culture of the 11th – 20th centuries]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. 500 p. URL: <https://bookmate.ru/reader/x0Tcw2NI?resource=book> (In Russ.)
- 10 Pushkareva, N.A. *Chastnaia zhizn' russkoi zhenshchiny: nevesta, zhena, liubovnitsa (X–nachalo XIX v.) [The Private Life of a Russian Woman: Bride, Wife, Mistress (10th – Early 19th Century)]*. Moscow, Lodomir Publ., 1997. 381 p. (In Russ.)
- 11 Todorova, O. *Zhenite ot Tsentralnite Balkani prez osmanskata epoha (XV–XVII vek)*. Sofia, Gutenberg Publ., 2004. 516 p. (In Bulgarian)